

Эластичное время: возрастные параметры ускорения и замедления*

Одним из концептуально непроработанных вопросов философии возраста остается вопрос об изменении скоростных параметров времени в разные периоды человеческой жизни. Если в психологии эта тема разрабатывается уже давно (и на материале разных возрастов), то философы до настоящего времени еще не инвестировали в ее разработку необходимых усилий, ограничиваясь существенными, но краткими замечаниями общего характера¹. Признавая изменения параметров времени по шкале быстро/медленно важной характеристикой возрастных формаций Присутствия (Dasein), мы рассмотрим возрастные сдвиги в восприятии скорости времени и проанализируем их причины.

Скорость времени. Ускорение и замедление времени как персональный опыт. Если время часов и календарей (астрономическое время) объективно и равномерно, то время, переживаемое человеком, изменчиво и прихотливо в своем течении. Как свидетельствует наша речь, оно способно «ускоряться», «замедляться», «останавливаться», «бежать», «лететь», «мучительно тянуться», «идти своим ходом», «исчезать» и т. д. Эти (и многие другие) языковые данные свидетельствуют о неоднородности переживания и осознания скоростных параметров времени, а также об универсальности такого опыта.

Время в его внутренней данности может сжиматься (ускоряться) и растягиваться (замедляться) в зависимости от расположенности человека и, в частности, от его возрастной расположенности. Эластичность времени не может не вызы-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 15-03-00705 («Философия возраста в горизонте герменевтической феноменологии»).

¹ Общие замечания относительно скорости течения времени встриваются в размышления о детстве и молодости (В. Красиков) (см.: Красиков В. И. Синдром существования. Томск, 2002. С. 19–21).

вать удивления. Изменения в переживании скорости течения времени фиксируются на уровне самочувствия и самосознания; то, что они действительно имеют место, подтверждают многочисленные психологические исследования².

Хорошо известно, что в *зависимости от ситуации*, в которой человек находится, время для него идет по-разному: за дружеским общением оно пролетает незаметно, а *скудный* доклад, каким бы он ни был по своей величине, всегда кажется слишком долгим.

Изучая зависимость скоростных параметров восприятия времени от возраста, следует учитывать, что его убыстрение и замедление по-разному обнаруживают себя применительно к прошлому (воспоминания), настоящему (вовлеченность в деятельность, созерцание) и будущему (ожидание). Ускорение и замедление времени в этих и подобных им случаях зависит от степени нашей *вовлеченности в происходящее*: чем сильнее мы *заинтересованы* в том, что происходит, в том, что мы делаем, чем *новее* для нас то, с чем мы встретились, тем быстрее (незаметнее), проходит время теперь, в настоящем, и тем более медленным оно оказывается, когда переходит в измерение прошлого. Когда мы ничем не заняты или участвуем в том, что не интересно, картина получается обратной: в настоящем время замедляется, а при переходе в прошлое — сжимается. Скорость будущего обычно привлекает к себе меньше внимания, чем скорость прошлого и настоящего, хотя и она не остается неизменной по ходу жизни. Предошущаема скорость будущего

² Психологических работ по данной проблематике очень много. Назовем лишь некоторые: *Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни. М. : Мысль, 1991; *Ананьев, Б. Г.* Избранные психологические труды : в 2 т. М. : Педагогика, 1980; *Балашова Е. Ю., Микеладзе Л. И.* Возрастные различия в восприятии и переживании времени // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 30. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 19.11. 2017); *Бороздина Л. В., Спиридонова И. А.* Возрастные изменения временной транспективы субъекта. Сообщение I: Формальные параметры // Психологический журнал. 1998. № 2. С. 40—50; *Головаха Е. И., Кроник А. А.* Психологическое время личности. М. : Смысл, 2008; *Цуканов Б. И.* Время в психике человека. М., 1985; *Фресс П.* Восприятие и оценка времен // Экспериментальная психология / П. Фресс, Ж. Пиаже. Вып. 6. М. : Прогресс, 1978. С. 88—135.

определяется экстраполяцией скорости недавно прошедшего времени на аналогичный по календарной продолжительности период предстоящего времени. Предполагаемую скорость будущего не следует смешивать с ожиданием определенного события, которое воздействует на переживание скорости времени в настоящем. Если мы ждем от будущего чего-то хорошего, это замедляет его ход времени в настоящем, если ждем чего-то, чего мы не хотим, но что все равно будет, нам кажется, что время идет быстрее, чем обычно.

Исследование *ситуативно обусловленного* замедления/ускорения/остановки времени — одна из задач философской антропологии. Но для нас проблематика ситуативного растяжения или сокращения времени важна не сама по себе, а как введение в изучение зависимости таких изменений *от возраста*.

Скорость времени в возрастной проекции. Почему ускоряется время? Психологи и философы, объясняющие доминирующую на протяжении жизни тенденцию к ускорению времени, чаще всего называют две причины, которые не исключают, но дополняют друг друга.

Во-первых, указывают на то, что для ребенка окружающий его мир — это «мир впервые». Плотность, интенсивность и новизна впечатлений детства превосходит то, что дает молодость, а тем более — зрелость и старость. С годами знакомого в жизни становится все больше, а незнакомого — все меньше. Чем больше нового опыта и знаний приходится на единицу астрономического времени, чем значительнее его удельный вес относительно того, что человек уже знает, тем быстрее проходит для него настоящее и тем более продолжительным представляется недавнее прошлое. Отсюда и тенденция к ускорению временного потока от детства к старости³.

Во-вторых, указывают на то, что на восприятие скорости влияет пропорциональное уменьшение календарных единиц измерения времени (месяц, год) от детства к старости⁴.

³ Красиков В. И. Указ соч. С. 19–21.

⁴ Lemlich R. Subjective acceleration of time with aging. *Perceptual and Motor Skills*, 1975, 41(1), 235–238; Wittmann M., Lehnhoff S. Age effects in perception of time. *Psychological Reports*, 2005, 97(3), 921–935.

Если ребенку десять лет, то год для него — одна десятая жизни; если ему 30 — это всего лишь 1/30-я от прожитой жизни и т. д., а потому переживание месяца в пятилетнем, например, возрасте сопоставимо (по продолжительности) с куда более значительными календарным периодами жизни взрослого человека.

Оба подхода можно связать воедино: месяц в детстве и юности по количеству новых впечатлений и по своей относительной длительности соизмерим с годом и даже годами зрелости и тем более — старости.

С приведенными выше объяснениями возрастного ускорения времени (при условии определенных поправок относительно детства и старости, о чем см. ниже по тексту) трудно не согласиться⁵. Однако ограничиться ими было бы неверно. Дело не только в скудеющей с годами новизне мира и изменении относительной величины одного дня (года) в масштабах прожитой жизни. На переживание времени влияет и то, *в какой мере человек вовлечен в целерациональную деятельность, насколько он озабочен или беззаботен*. Мера заботы и беззаботности зависит и от уровня, на котором временится Присутствие, и от смещения надситуативных доминант временения по возрастам зрелости.

Чем значительнее принятые на себя обязательства, чем ответственнее человек относится к целям, заброшенным в близкое и отдаленное будущее, тем быстрее для него идет время. Когда человек торопится жить, его жизнь (ретроспективно, в воспоминании) ускоряется. Человек, живущий исполнением срочных, среднесрочных и долгосрочных целей, ускоряет (для себя) ход времени, его переход от будущего к настоящему и прошлому. Кто больше страдает от нехватки времени, от увеличения его скорости? Ответ очевиден: это не дети и не люди традиционного общества. Это люди модерна и постмодерна. Они думают о времени чаще и ускоря-

⁵ Если второй аргумент («прикладная математика возраста») не оставляет места для рефлексии и интерпретации изменения скорости времени с ростом числа лет, то аргумент «от новизны» требует усилия понимания и истолкования применительно к каждому возрасту. Требуется потому, что новизна в разных возрастах и количество и качество нового от возраст к возрасту заметно меняются.

ние его хода переживают острее. Убыстрение времени в наибольшей степени волнует тех, кто вовлечен в борьбу за признание, кто добровольно или по необходимости ограничил свою восприимчивость и открытость ради исполнения замыслов и достижения успеха, а не тех, кто принял свою долю и несет свой крест. Кого скорость времени волнует больше, тот острее переживает изменение его скорости с возрастом.

Беззаботный человек (например, ребенок или мудрый старец) «часов не наблюдает», счет дням и годам своей жизни не ведет. Скорость времени для него (за пределами его ситуативного растяжения/сокращения) не имеет значения. Ведь если время не считать, не сопоставлять между собой календарно равные отрезки прошлого, не забегать в будущее, то оно замедлится, а при достижении человеком совершенной беззаботности — остановится.

Деятельные взрослые (в отличие от мудрых старцев и детей) структурируют настоящее в соответствии с убегающей вдаль вереницей целей и задач, не допуская «пустой траты времени» на то, что «к делу не относится». Перспектива, структурированная в виде последовательности целей, способствует ускорению «бега времени». Для деятельных взрослых скоростные параметры времени с возрастом продолжают меняться, причем меняться в сторону большей «скоротечности». Это связано и с уменьшением притока новых впечатлений от молодости к старости, и с меняющимся от возраста к возрасту соотношением величин будущего, настоящего и прошлого.

Беззаботность, забота и время (скорость времени в детстве). Отличие возрастов детства (младенчества, ясельного детства, игрового детства, отрочества) от возрастов взрослости (молодости, зрелости, старости) определяется тем, что в детстве жизнь или не овременяется, или овременяется только на ситуативном уровне (игровое детство и отрочество). В возрастах взрослости к ситуативному добавляется надситуативное временение (внутривозрастное и возрастное, биографическое). Отличия возрастных формаций Присутствия (Dasein) в годы взрослости определяются тем, что в молодости

сти доминирует будущее, в зрелости — настоящее, в старости — прошлое⁶.

Представление о медленном ходе времени в детстве — это не артикуляция детского опыта, это артикуляция воспоминаний о нем взрослых, которые сравнивают свое темпорально-скоростное «тогда» со своим «теперь». Взрослые (особенно зрелые и старые) уверены, что в детстве день, неделя, месяц длились очень долго. Но для самого ребенка скоростные параметры имеют значение только *в границах текущей ситуации*⁷. Сравнить соотношения скоростей в разные периоды (интервалы) жизни он еще не умеет, у него нет для этого материала (ему еще нечего сравнивать). Для детей переживание быстрого или медленного времени (за редкими исключениями отроческого периода) привязано к ситуации и имеет два режима: 1) режим, в котором дети времени не замечают (это время можно назвать сверх-быстрым) или почти не замечают (игры в отрочестве, когда время идет быстро, потому что на него *иногда* обращают внимание), и 2) режим медленного времени, когда незаполненность внимания, отсутствие интереса делают предметом переживания не какое-то сущее и взаимодействие с ним, а *отсутствие интересного сущего* и томительное переживание пустоты. Ситуация или захватывает ребенка («интересно!»), или выталкивает его («скучно!»). Когда он чем-то увлечен (игрой, фильмом, книгой), время исчезает («Сколько раз я тебе говорила, пойдем ужинать! Ты что, не слышишь?»), когда он не занят и «мается без дела», оно мучительно растя-

⁶ Доминирующим (возрастным) будет самое протяженное и наиболее продуктивное (в плане генерации смыслов) время. Подробнее см.: Лишаев С. А. Возраст и время // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2015. Том 16. Вып. 4; Лишаев С. А. О критериях возрастной периодизации (материалы к философии возраста) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Серия «Философия». 2015. № 4. Т. 2.

⁷ Знакомая всем ситуация: ребенок мается в электричке: «Мама, скоро мы приедем?», «Сколько еще осталось?» А вот иная ситуация: ребенок, увлеченный игрой в карты и не наигравшийся уверен, что играют они совсем недолго: «Папа, мы же совсем недавно начали, я не хочу ужинать!»

гивается⁸. Крайние точки двух полюсов скорости совпадают: когда ребенку *бесконечно интересно* или *бесконечно скучно*, время для него *останавливается*, и он выпадает из него.

Поскольку ребенок еще не знает заботы и только формируется в качестве «я», его потребность в интересном, занятном, особенном очень велика. Но окружающий мир не всегда способен заполнить пустоту (простоту, чистоту) детской души, так что ребенку часто приходится иметь дело с чем-то неинтересным или недостаточно интересным. О незаполненности души сигнализирует скука. Скука — одна из острых проблем детства⁹. Ребенок спасается от нее благодаря воображению и фантазии, которые творят чудеса «на ровном месте», или обращается за помощью к взрослым, требуя поиграть с ним.

Как вне-себя-бытие, как бытие, открытое для другого (как интенциональное бытие), ребенок (когда он не занят) проваливается в то, из чего всегда уже исходит — в неопределенность, в ничто. Чем меньше человека «вытягивает» («выводит») «из себя» существо, тем больше требуется усилий, чтобы *произвольно* удерживать на нем внимание, и тем медленнее идет время в измерении настоящего¹⁰. Детей, конечно,

⁸ Состояние скуки настолько мучительно для ребенка, что он будет виснуть на взрослых до тех пор, пока они не предложат ему того, что интересно (впрочем, сегодня, благодаря доступности интерактивных медиа, скука возникает не так часто, что имеет свои печальные последствия).

⁹ Скуку как существенное определение детства подробно рассматривает (в диалоге с К. С. Пигровым) Александр Секацкий (см.: *Пигров К. С., Секацкий А. К. Бытие и возраст. Монография в диалогах.* СПб. : Алетей, 2017. С. 64–68, 72–75).

¹⁰ Взрослым постоянно приходится заниматься не тем, что их увлекает, интересует, но тем, что важно, значимо, необходимо, что имеет отношение к целям и обязательствам. Они отдают себя тому, что интересно не само по себе (здесь и теперь), а в связи с моральными (религиозными, философскими) принципами и большими целями. Тот, чье внимание ничем не занято, теряет опору в сущем и висит в пустоте, в неопределенности, отсылающей к ничто.

Ситуативное замедление/ускорение времени (вполне объяснимое из ситуации) в разных возрастах проявляется в разной мере. Например, ни-чем-не-занятое-время человека, ожидающего приема в

учат произвольному вниманию, но они им владеют плохо. И это одна из причин, по которой они страдают от скуки сильнее, чем взрослые.

Ребенок скучает всегда, когда вынужден иметь дело с тем, что его не увлекает, или когда он делает что-то по необходимости¹¹. Скучает он и тогда, когда ожидает желанного, и это ожидание обесцвечивает то, что есть теперь. Скука ожидания заставляет ребенка вспомнить о времени и следить за ним. Представим себе такую, например, картину: мальчик шести лет стоит у окна и ждет, когда вернется мама; время от времени он посматривает на настенные часы, стрелки которых медленно приближаются к тому месту на циферблате, когда щелкнет дверной замок и появится мама.

Если встроенный в человека регулятор внимания (интереса) выключает время или ускоряет его ход, то скука включает переживание времени, замедляет его или даже выбрасывает нас малого в безвременье маяты. «Ход времени» и его скоростные характеристики остро переживаются ребенком, потому что он, скучая, остается наедине с собой, а с собой ему — неинтересно.

Скоростные параметры времени за границами текущей ситуации остаются вне поля зрения ребенка. Он их не оценивает. Чтобы сравнить прошедший месяц с месяцем из отдаленного прошлого (с тем, что было год, два и более тому назад), надо помнить не только то, что происходило в последний месяц, но и то, что происходило на протяжении месяца, полгода, год и более тому назад. Для такого сравнения у него

поликлинике (для чистоты мысленного эксперимента представим себе, что ему нечем занять себя: в руках у него нет ни книг, ни газет, ни игрушек, ни планшетов), будет тягучим в любом возрасте, но для ребенка оно замедлится больше, чем для молодого человека, для молодого — больше, чем для зрелого, для зрелого — больше, чем для старого. О чем это свидетельствует? О том, что помимо ситуативных оснований для ускорения/замедления времени имеются и возрастные его основания.

¹¹ Ребенку (начиная с игрового детства) приходится порой делать что-то неинтересное, но необходимое: дергать траву на грядке, мыть полы в квартире... Позднее область нужного, но скучного, расширится за счет школы.

нет материала, его память не удерживает такие интервалы, как месяц или год.

Это не означает, что ребенок не помнит ничего из того, что было год или три года назад. Воспоминания из отдаленного (по детским меркам) прошлого (несколько месяцев, полгода, год назад) у ребенка появляются примерно с 4-5 лет, но они представляют собой хронологически неупорядоченную россыпь ярких эпизодов, событий и лиц, не привязанных к определенным вешкам календаря (такой-то год, такой-то месяц). Образы прошлого не укладываются в рамки определенного хронологического периода. Прошлое для него — это то, что было *давно* или *давным-давно*, как принято выражаться в русских сказках. К давнему ребенок обращается редко (только тогда, когда его к этому побуждают взрослые («дети, расскажите, как вы провели лето?») или сверстники («ты что этим летом делал?»)). Сам же он с головой поглощен тем, что происходит в настоящий момент (или мается от того, что «ничего не происходит», что «нечем заняться»).

По мере того, как он растет, размерность активного времени расширяется, хотя и остается привязанный к ситуации. Переход на надситуативный уровень связан с утратой беззаботности и с готовностью взять жизнь под свою ответственность. Забота и надситуативное овременение жизни неразделимы. И хотя в целом детство — это режим беззаботного существования, но в период отрочества в жизнь малого вторгается забота. *Ситуативной* заботой его нагружают взрослые. Свое происхождение она ведет от школьных и домашних обязанностей, выходящих за пределы наглядной данности и за грань непосредственного контроля (пригляда) со стороны взрослых.

Перед ребенком ставятся задачи, решение которых откладывается, так что на него возлагается обязанность следить за сроком их исполнения; о заданиях надо помнить в границах дня, недели, а потом и месяца. Ситуативные *было* и *будет* отделяются от наглядно данного, от «картинки». *Темпоральная размерность ситуации*, которую приходится овременять отроку, год от года *увеличивается*¹². Отроку приходится

¹² В отличие от школьника перевозаботы дошкольника ограничены наглядностью происходящего: малыш строит песочный замок и его, конечно, заботит то, что получится в итоге. Временение

«брать в расчет» будущее и прошлое в границах потерявшей оче-видность текущей ситуации. Удерживаемое отроком время (персональное «теперь» в единстве с «было» и «будет») не совпадает с происходящим «сию минуту» («прямо сейчас»). Отсроченные задачи актуализируют знания о часах и календаре, которыми сегодня владеют уже 5-6-летние дети.

Школа *принуждает* отрока *овременять существование* и пользоваться инструментами учета и расчета времени (ему приходится учитывать расписание уроков, вести дневник, вспомнить о домашних заданиях, о предстоящих мероприятиях и т. д.). Ему приходится развивать чувство и сознание времени, в том числе — способность соотносить чувство длительности с объективным «временем циферблатов» («сколько уже прошло времени?» «сколько я уже играю?») и оценивать скорость его «хода»¹³.

В переживании скорости времени появляются оттенки, полутона. Переживания *относительно* быстрого и *относительно* медленного времени возникают при исполнении порученного. Если порученное само по себе не интересно, то время идет медленнее, чем когда отрок делает что-то интересное (при этом оно не останавливается, потому что он *занят*). Время, которое уходит на исполнение необходимого, замедляется, но *замедляется в разной мере*: если задание по предмету, в котором отрок хорошо разбирается и находит в нем для себя что-то интересное, оно идет *сравнительно быстро*, иногда — незаметно; когда он делает нелюбимый урок, оно «тянется», и ребенок обращает на это внимание.

Таким образом, хотя в отрочестве активное временение — хорошо освоено, однако отсутствие временения на надситуативном уровне делает невозможным сравнение скорости течения времени между разными периодами

осуществляется маленьким ребенком в очень узких хронологических границах («сейчас я делаю...», «потом я хочу сделать...»).

¹³ Обязанности накладываются на него *извне*, цели перед ним ставят родители (учителя). Он принимает требования взрослых как данность («убрать за собой игрушки», «помыть посуду», «сделать уроки»), но «не держит их в голове», вспоминая о них в последний момент, перед приходом мамы с работы или «когда уже поздно».

жизни¹⁴. Да и потребности в этом у отрока нет. Он не вовлечен в продуктивную деятельность, инициатором которой является он сам. На отроке не лежит забота-ответственность ни за свою жизнь, ни за жизнь других людей. За часами и календарем они уже наблюдают, но отдаленное прошлое и будущее еще не стало для них источником заботы и тревоги. Их существование лишено биографического измерения, без которого бытие от первого лица невозможно. Только развернутое до жизни в целом (от рождения до смерти) бытие самости делает необходимым сохранения «за собой» того, что «было», и того, что «будет». Надситуативное время обособляет «я» от текущей ситуации, превращая ее в момент (или период) между прошлым и будущим¹⁵. До конца развернутое бытие-в-мире делает предметом рефлексии жизнь в целом (а не только происходящее здесь и теперь). Только темпорально развернутая жизнь формирует запрос на сравнение ее периодов по разным параметрам, в том числе – по параметру скорости.

Время как невосполнимый ресурс (скорость времени в годы взрослости). Переход во взрослое состояние – это переход к надситуативному временению. Именно после того, как генератор заботы запущен на полную мощность, возникают предпосылки для превращения скоростных параметров времени в предмет автобиографической рефлексии.

¹⁴ Стоит отметить, что в отрочестве появляется первый опыт сравнения календарных периодов прошлого по параметру скорости. В отрочестве ребенок редко, но обращает внимание на различия в скорости *рабочего времени* (учебы) и *свободного* (каникулярного) времени. Такое сравнение выходит за рамки непосредственного (ситуативного) переживания времени по параметру скорости. Каникулярное время дети ждут (и ведущее к нему время ощутимо замедляется для них). Лето пролетает незаметно, *быстро* и переживается как долгое прошлое (как *медленное* время). Ребенок начинает ощущать и сознавать, что время может идти быстрее и медленнее не только в пределах текущей ситуации (скучно/интересно), но и в рамках нескольких месяцев (каникулы проходят быстро, но потом кажутся долгими, «большими»).

¹⁵ *Лишаев С. А.* О критериях...

Конечно, не только ребенок живет желаниями и эмоциями, имеются они и у взрослых, но взрослые способны ограничивать их, исходя из установлений веры, доводов разума, этических норм, долгосрочных целей и т. д. Рационализируя и — одновременно — овременяя свою жизнь в горизонте далекого будущего, взрослый занимает себя не только тем, что интересно «прямо сейчас», но и тем, что должно, что достойно, необходимо, полезно в долгосрочной перспективе.

Взрослый дистанцируется от ситуации (овладевает ей в качестве субъекта) за счет ее соотнесения с принципами, за счет надситуативного временения и автобиографической рефлексии. Он не принадлежит ей до конца, до самозабвения. Занимаясь чем-то, взрослый «посматривает на часы», стараясь не потерять из виду ни близкой, ни отдаленной перспективы/ретроспективы жизни. Он здесь и не здесь. Он контролирует свое поведение, исходя из «списка» вопросов и задач, которые ждут своего решения¹⁶.

Часы и календарь — это инструменты, с помощью которых взрослый *«делает»* происходящее с ним своей жизнью (жизнью, за которую он отвечает), подчиняя время долгосрочной воле. По-взрослому овремененная жизнь учитывает время, в том числе его скоростные характеристики: важно чувствовать, как быстро оно идет, важно не опоздать, достигнув цели в оптимальные сроки. Используя инструменты учета времени, человек рационализирует его переживание и сознание; он подчиняет себе время, он объективирует его. При этом взрослый подчиняет ему себя, ставя свои действия в зависимость от его календарно-цифровых объективаций. Он *добровольно* следит за временем, ориентируется в нем («сколько осталось времени до

¹⁶ Для того чтобы сосредоточиться и отдаться происходящему целиком и полностью («забыть про время»), для человека эпохи постмодерна необходимо сделать усилие, отрешиться от «задних мыслей», от тревоги за будущее. Сделать это ему трудно. Сосредоточение и выход из овремененного существования — задача, решаемая в духовных практиках многих культур. Но для людей горизонтальной культуры практики, ведущие к само-забвению и к выходу за рамки временной развертки жизни, чужды; ими в них владеют немногие. Для них это еще сложнее, чем переход от детской беззаботности к взрослой заботе.

того, как...»). Это для взрослого (но не для ребенка) интересно, как быстро прошел минувший год в сравнении с годом, который миновал пять или десять лет назад.

Бывает, конечно, что и отроку не хватает времени. Но это ситуативная нехватка. Взрослому же его не хватает и тогда, когда ситуативно «все идет по плану». Времени не хватает тогда, когда оно превращается в состоящее-в-наличности, в ресурс для реализации целей¹⁷. Когда время берут в расчет ситуативно, его не хватает ситуативно. (Отрок не рассматривает время как ресурс, которым необходимо «с умом» распорядиться, чтобы хорошо прожить свою жизнь.) Учет и контроль времени в масштабе жизни в целом делает измерение и изменение скорости времени экзистенциально значимой темой.

Жизнь взрослого человека определяют принятые им решения, обязательства, поставленные задачи. Время — это хроно-ресурс, необходимый для реализации целей. Надситуативное время генерирует надситуативную заботу, побуждающую человека к самоопределению через будущее и прошлое. Большое время *заставляет* человека структурировать свою жизнь темпорально. Цели и возможности «не дают спокойно спать», заставляют считать время, оценивать его скорость «тогда» и «теперь» и т. д. Разумеется, такое отношение ко времени в Европе господствовало не всегда. Оно стало доминировать только в новоевропейской цивилизации, с формированием протестантской этики и духа капитализма.

Начиная с первого возраста взрослости, жизнь мыслится человеком как последовательность переживаний, решений, событий. События прошлого, соотносимого с настоящим и будущим, удерживают посредством автобиографической сборки. Сборка осуществляется на основе транс-ситуативного тождества субъекта, принимающего на себя происходящее и сохраняющего значимые события как *свою* историю, как живое единство свершившегося, свершаемого и предстоящего.

¹⁷ Когда выстраивается биографическая перспектива, то времени начинает не хватать. Нехватка времени вызывает ощущение «давление времени» (time pressure) и способствует появлению представления об убыстрении его хода (см.: *Friedman W. J., Janssen S. M. J. Aging and the speed of time. Acta Psychologica, 2010, 134(2), 130–141*).

Одновременно с надситуативным настоящим (например, с возрастным настоящим «моей молодости» и с внутри-возрастным настоящим «моих студенческих лет») у взрослого появляется надситуативное прошлое. Это *прошлое, с которым можно сравнивать то, что есть, и то, что предстоит*. Вместе с ним появляется возможность и потребность сравнивать разные его периоды по параметру скорости.

Переход к сквозному временению не означает, что человек удерживает свое прошлое без лагун. Он лишь обеспечивает сознание прошлого как *своего* прошлого. Оно включает не только яркие впечатления, значительные события, но и... пробелы в памяти, пустые (незапомнившиеся) месяцы и годы. Даже утраченное время оказывается вписанным в прошлое. Утраченное время — часть моей жизни, *не оставившая следа*. Именно надситуативное временение и сквозное прошлое позволяют сопоставлять разные этапы жизни, обнаруживая периоды сверх-быстрого (нерасчлененного) времени (забытое прошлое) и периоды более или менее сохранившие (благодаря памятным событиям) свою протяженность¹⁸. Когда незабвенного много, месяцы и годы растягиваются в детализированные периоды актуализированного прошлого.

Возрастные различия в скоростных параметрах времени следует отличать от их *непосредственного* (ситуативного) *переживания*. Возрастные различия в скорости, о которых, чем ближе к старости, тем чаще, говорят взрослые, это *результат рефлексии*. Именно с темпорально-скоростной рефлексией связано устойчивое представление о том, что время с возрастом «бежит» все быстрее¹⁹. Столь часто (и едино-

¹⁸ Отдельный вопрос — качество прошлого, обусловленное способом его удержания в памяти. Одно дело произвольная и произвольная память субъекта без опоры на протезы памяти, другое — прошлое, удерживаемое благодаря дневникам, фотографиям, видеороликам и т. п.

¹⁹ Этот факт подтверждается и психологическими исследованиями относительно переживания восприятия скорости течения времени в предыдущие периоды *взрослыми* людьми. Психологические исследования молодых, зрелых и старых людей показывают, что все они уверены, что в актуальный для них период (будь то молодость или старость) время идет быстрее, чем в прошлом. При этом

душно) высказываемое молодыми и особенно зрелыми и старыми людьми утверждение об ускорении хода времени — это не фиксация непосредственного переживания, а *результат сравнения* протяженности недавнего прошлого с протяженностью аналогичного периода отдаленного прошлого. В таком сравнении решающее значение имеют плотность и яркость воспоминаний. Чем она больше, тем более медленными (длительными) кажутся «лето», «год», «пяtilетие».

Если *ситуативные замедления и ускорения* по возрастам обычно не сравниваются (такая разница имеется, но она незначительна, и в глаза не бросается²⁰), то скорость времени в надситуативных масштабах позволяет, во-первых, провести сравнение недавнего прошлого с давним, а предстоящего (будущие пять лет, например) с тем, как предощущались пять лет в прошлом, и, во-вторых, делает ощутимым возрастное ускорение за счет большей величины сравниваемых периодов. И чем *дальше* от недавнего прошлого то прошлое, с которым его сравнивают, *тем заметнее между ними разница в скорости*.

Изменение скорости близкого прошлого по сравнению с отдаленным прошлым в сторону ускорения (например: «сейчас для меня год, как месяц в молодости») меняет и предполагаемую (предощущаемую) продолжительность будущего. Предощущаемая длительность Нового года, встречу которого празднует 20-летний, значительно больше, чем длительность предстоящего года в сознании 60-летнего, поскольку продолжительность минувшего года в зрелости и старости (субъективно) заметно меньше, чем в молодости.

Скорость времени в молодости. Устремленность в надситуативное будущее и обращенность к надситуативному прошлому (цели, планы, ошибки, достижения) отличает мо-

психологи фиксируют ускорение течения времени с возрастом; чем человек старше, тем больше — в его восприятии — оно ускоряется (см.: Friedman W. J., Janssen S. M. J. Aging and the speed of time; Балашова Е. Ю., Микеладзе Л. И. Указ. соч.).

²⁰ За увлекательной игрой (например, за игрой в карты, которая доступна и детям, и взрослым) время убыстряется для представителей всех возрастов. Но для того, чтобы сказать, «насколько» быстрее идет игровое время в детстве, чем в зрелости или старости, требуется специальное психологическое исследование.

лодых людей от детей. Для молодых взрослых важен вопрос «для чего?», связанный с надситуативным горизонтом времени, и вопрос «как жизнь?», ответ на который предполагает оценку настоящего в его отношении к отдаленному прошлому и желанному будущему.

Вместе с освоением отдаленного биографического будущего и дистанцированием от детства у молодых появляется ответственность за свое будущее, а с ней и желание все успеть, все испробовать, всюду побывать, а главное — самоопределиться, реализоваться в каком-то деле. Желание «успеть» определяется осознанием ограниченности жизни. Это сознание пробуждает внимание к тому, «как идет время» в плане его скоростных характеристик («быстро? медленно?»). Слово «быстро» имеет теперь не ситуативный, а биографический смысл: время идет быстрее, чем хотелось бы, быстрее, чем необходимо для того, чтобы сделать то, что я хочу успеть сделать. Такое «быстро» тревожит. Молодой человек находится под прессом *ограниченного по величине* будущего. Хотя в молодости будущее велико, но оно тем не менее уже требует внимания и заботы. Зброшенные в него ожидания давят на надситуативное и ситуативное «теперь» и заставляют поторапливаться, чтобы *не упустить* время (молодому хочется обнять весь мир, сделав его *своим*).

Соотнесенность настоящего с прошлым («еще ничего не успел, ничего, по существу, не сделал») и с будущим («все это надо будет сделать») создает своего рода «перепад времени», давление *надситуативной заботы*. Забота требует не тратить время понапрасну, интенсифицировать настоящее, наполнить его важным, значительным и новым. Молодому много чего хочется (его витальность на подъеме), многое в круге потенциально доступного опыта он еще не испробовал, но сознание конечности времени и неопределенность сроков (человек не ведает, когда именно он умрет) торопит с выбором больших целей, с исполнением себя в определенном образе. Это побуждает молодых отказаться от части возможных расширений опыта, от интересного и приятного ради реализации «я», хотя такое ограничение сократит приток нового опыта и ускорит ход времени.

Казалось бы, в молодости можно «не дрожать над каждым днем» («вот уж этого — навалом»). Тем не менее у молодых возникает ощущение, что времени у них недостаточно. Время идет слишком быстро. Выход на уровень надситуативного временения, сопоставление сделанного с тем, что предстоит сделать, если исходить из образа желанного будущего, способствует чувству ускорения времени.

Дело еще в том, что молодого человека беспокоит не только ограниченность жизни, но и ограниченность молодости, конец которой, как ему чувствуется, близок. Он торопится, потому что молодость вот-вот закончится. Впрочем, заканчиваться она может долго. По мере того, как проходят годы, молодой человек откладывает завершение молодости «на потом». Он откладывает принятие необратимых решений не в последнюю очередь потому, что годы молодости «почти прошли», а то, что необходимо сделать до полудня, еще не сделано.

Конечность молодости побуждает homo povini (термин В. Красикова) обратить внимание на возрастную (межвозрастную и внутривозрастную) изменчивость скоростных параметров времени. *Возрастная неравномерность* его скорости обнаруживается в молодости. Молодой человек фиксирует ускорение времени по сравнению с детством и с прожитыми периодами молодости.

Вспоминая детство, молодой взрослый не может соотнести недавно прошедший год с определенным годом детства, поскольку не помнит, что в этом году происходило. Год с годом он сравнить не может, но он помнит о «бесконечном» дне детства. Память об этом дне накладывается на продолжительность дня или недели в 20 или 25 лет. В результате возникает представление о том, что время в молодости ускорилось.

Надситуативное время молодости сравнивается с медленным (по воспоминаниям), но *ситуативным* временем некоторых избранных *моментов* детства, которые сохранила память. Невозможность сравнить скорость времени в определенный период молодости со скоростью времени в определенный период детства производит впечатление его ускорения. Ситуативная скорость детства в годы взрослости выполняет роль точки отсчета скоростных параметров времени.

По отношению к этой точке даже медленное (по сравнению со зрелостью и старостью) время молодости воспринимается как быстрое. Впрочем, молодые редко сравнивают скорость времени молодости со скоростью времени в детстве. О детстве они вспоминают не часто.

Более актуально для молодых сравнение скорости времени на разных этапах самой молодости. Такое сравнение ведет к неоднозначным результатам. Иногда возникает уверенность, что время замедлилось по сравнению с тем, что было прежде. Например, сравнивая длительность последнего года обучения в школе и первого года работы после окончания университета, молодой человек может прийти к заключению, что первый год после университета был более продолжительным, более медленным, чем последний год школы. В «год выпуска» жизнь была напряженной, но однообразной, заполненной учебой, подготовкой к сдаче итоговых экзаменов, общением со знакомыми людьми, etc. Первый год трудовой жизни *может* переживаться как более продолжительный не только потому, что с момента окончания школы прошло уже несколько лет и память утратила часть связанных с этим периодом деталей, но и потому, что у молодого человека в его трудовой жизни появилось много новых впечатлений, круг его общения расширился и возникли новые формы досуга.

Несмотря на неустойчивость динамики скоростных параметров времени, общая ее характеристика внутри молодости (от подростковости к поздней молодости) — это ускорение времени. Но ускорение времени в молодости для молодых не самая важная тема.

Их восприятие, память, воображение остаются живыми, подвижными, высокоскоростными. Люди зрелых лет действуют, по их ощущению, медленно, они будто притормаживают. Так происходит потому, что сами они в своем настоящем очень быстрые, быстрее самих себя, и потому им кажется, что живут, действуют и думают они медленно, а время проходит незаметно. На деле это не так, что и покажет зрелость. В зрелости и старости выяснится, какой насыщенной (долгой по воспоминаниям) была молодость, как много в ней было ярких событий.

Зрелость и скорость течения времени. Время зрелости значительно быстрее времени молодости. Оно лучше организовано и более рационально. В молодости человек только учится подчинять себе время (и, что равнозначно, подчинять ему себя, определяя свое «теперь» через будущее и бывшее). В жизни молодых еще много неожиданного, спонтанного, непреднамеренного, они открыты приключениям и впечатлениям. Это пора поисков, неожиданных встреч, переходов от цели к цели, от компании к компании, от увлечения к увлечению. Молодость знакома с частыми и острыми приступами скуки, тоски, апатии. Одни периоды (полосы) жизни в молодости растягиваются, другие сжимаются, убыстряются.

С позиции зрелого человека год молодости кажется очень продолжительным. Убыстрение времени зрелых людей связано с тем, что незнакомого у них становится все меньше. Это происходит не только из-за все более обширного жизненного опыта. Причина в ограничении притока новых впечатлений за счет отсеечения боковых возможностей, *в более четкой организации* жизни как условия ее конструктивности и продуктивности. Продуктивность требует сосредоточиться на главном. Смотреть по сторонам при такой установке не остается ни сил, ни времени, а порой и желания.

Исполнение долгосрочных целей и обязательств в зрелости предполагает структурирование повседневной жизни с помощью полезных (вредных) привычек. Привычка оконтуривает повседневность, вводит ее в прокрустово ложе циклического времени и заметно *ускоряет* ход времени и *в режиме настоящего*, и *в режиме прошлого*. Совокупность привычек, структурирующая время как определенный образ жизни, обеспечивает реализацию долгосрочных целей, позволяет добиваться их исполнения и *стабилизирует скорость*. Ход времени в зрелости равномернее и быстрее, чем в молодости.

Какое чувство продуцируется циклическим временем *на уровне индивидуального самочувствия и самосознания*? *Нечто происходит*, но при этом (видимым образом) *ничего не меняется*. Каждый день (неделю, год) *повторяется примерно одно и то же и в том же порядке*. В результате возникает эффект *подвижно-неподвижного* времени: жизнь, организованная привычкой, притормаживает на полном ходу.

Зрелый человек погружен в дела, он всегда чем-то занят и редко скучает. Скука — острая проблема детства и молодости, но зрелых людей она беспокоит редко. (Исключение — кризис среднего возраста.) Благодаря комплексу привычек настоящее всегда заполнено чем-то неотложным, необходимым, значимым²¹. Настоящее в зрелости идет быстрее, чем в годы молодости.

Однако надситуативное прошлое в зрелости медленнее не становится. Напротив, оно (в восприятии зрелого) ускоряется. Загруженность дня, месяца, года делами (заботой о детях, о близких, о профессиональном совершенствовании) в зрелости больше, чем в молодости, но дела делаются здесь в контуре привычек (действия постоянно воспроизводятся, повторяются с небольшими вариациями). *Ускоряются и настоящее, и прошлое.*

Зрелого человека всерьез начинает волновать, что его жизнь проходит много быстрее, чем хотелось бы, и быстрее, чем удастся реализовать то, о чем мечталось в юности. Счет ведется уже не на месяцы и годы (как в молодости), а на пятилетия и десятилетия. Встречая/проводя год, человек средних лет удивляется тому, что прошел целый год, а вспомнить нечего. Каждый из дней был наполнен заботами, он напряженно работал, но привычка склеила своим серым клеем повторяющиеся впечатления, действия и переживания, и на фильтре памяти осталось совсем немного золотых крупинок событий и впечатлений²². День похож на день, год на год.

²¹ Лишаев С. А. К феноменологии зрелости // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2017. Том 18. Вып. 3. С. 95—107.

²² Зрелые (и старые) люди обращают внимание на то, что время ускорилося, много чаще, чем молодые. Тему эту обычно обсуждают люди «в возрасте». Вот, например, что пишет в одном из блогов Олег (см.: «Помню в молодости дни, недели, месяцы тянулись ого-го. ... Например, в молодости от посева до сбора урожая проходило очень много времени, и поэтому не было желания заниматься грядками. А сейчас — сегодня посадил, а почти завтра урожай. А когда урожай рядом, то и работать веселее. При таком раскладе, что будет лет в 60 или 70 (если доживу)?» URL: <http://orthodoxy.cafe/index.php?PHPSESSID=tqtss8tsnbnq5g1hgn95p417s1&topic=250592.msg3008599#msg3008599> (дата обращения: 20.11. 2017)).

Зрелые люди одновременно живут и в циклическом (воспроизводящем то, что есть), и в линейном (необратимом, направленном) времени. Их жизнь имеет (на повседневном уровне) возвратно-поступательный характер. Механизм привычки для зрелого человека необходим: он обеспечивает *добычу нового за счет собственных усилий*. Одни цели спустя годы остаются позади, другие оказываются на «повестке дня». Исполненные цели — это памятные события зрелости. Не заметные на относительно коротких промежутках времени (месяц, год) «маленькие сдвиги», на больших дистанциях они становятся заметными. Из таких «подвигов» в зрелости в значительной мере и складывается прошлое. События и рубежи (из которых собирается линейное автобиографическое время) углубляют ретроспективу, насыщают прошлое *сохранением, делают его осязаемым*.

Если в молодости *формируется* персональный образ желанного «я», в зрелости он *воплощается и воспроизводится*. Самосознание зрелого человека включает в себя персональную историю как историю пути к тому, каким я стал и каким я буду. Эту историю зрелые пишут посредством целей. Память удерживает лишь то, что *не повторяет бывшее*. Новое (как впервые увиденное и впечатлившее или как *впервые сделанное*) дополняет то, что хранит память, и тем самым углубляет прошлое.

Зрелый человек, в отличие от молодого, *умеет* (в той или иной мере) *управлять скоростью движения времени*. Он знает, как заставить его идти быстрее. Надо наполнить свой день «сверхурочными» делами. Знает он и то, как, ускорив настоящее, сделать так, чтобы оно, став прошлым, замедлилось больше обычного, оставило после себя след. Для этого надо расчистить день от необходимого, полезного и выгодного, сменить привычную обстановку, круг общения и перейти от привычного к непривычному, от будней — к празднику²³. Взрослый знает,

²³ Отключение (на время) от большей части забот (оставление «долгов») открывает вольноотпущенную душу для впечатлений и переживаний, от которых она (в рабочем порядке будней) закрыта плотной завесой дел и срочных обязательств. Эффект расширения времени в отпуске (по ощущению отпуск может быть равен несколькими месяцам, а то и году повседневной-трудовой жизни) связан с

как это делать, и, время от времени, делает. Но замедлить ход времени он может лишь ситуативно. В возрастном масштабе тенденцию к ускорению времени ему не изменить.

Старость и переживание скорости течения времени.

В преклонных годах время уже не «бежит», а «летит». Это может вызывать у стариков удивление. И при взгляде со стороны, и для тех, кто стар, очевидно, что они замедлились. Почему же тогда кажется, что время ускорилось по сравнению со зрелостью?

Старики живут тихо. Размеренности жизни соответствует замедление ситуативного настоящего. День длится долго. Он стал свободнее, чем в годы зрелости. Будущее больше не торопит с исполнением обещанного себе и другим. Высвободившееся от работы и заботы о детях время не всем и не сразу удастся заполнить²⁴. Старик ощущает тяжесть пустоты и пытается с ней справиться. Больше всего скука досаждала в первой половине старости. Еще недавно день был занят работой, времени не хватало, а теперь его стало ощутимо больше. И пока старик не адаптировался к новым условиям, день длится долго, время кажется тягучим. По мере ослабления витальных сил и освоения нового образа жизни замедление (оскучение) ситуативного настоящего уменьшится или исчезнет²⁵.

беззаботностью и новизной опыта (впечатлений). В путешествии новизна впечатлений соединяется с освобождением от неотвязных воспоминаний-напоминаний о том, что срочно и необходимо.

²⁴ В случае, если старый человек следует этосу деятельной старости (старости в горизонте старого), то есть работает и сохраняет высокую общественную активность, он отмечает, что его день проходит быстрее, чем в поздней зрелости.

²⁵ Если детализировать переживание скорости настоящего в режиме «текущего времени», то динамика его на протяжении старости идет от замедления к ускорению (замедление в начале старости сменяется после адаптации к новому образу жизни ускорением его хода, а затем, в поздней старости (после 70-75 лет), оно обычно вновь замедляется. Замедление скорости времени в поздней старости подтверждается психологическими исследованиями (*Лебедева Е. В.* Особенности восприятия времени людьми пожилого и старческого возраста : дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург : Уральский гос. университет, 2004; *Мелёхин А. И.* Изменения в субъективной скорости

Однако в том, что касается восприятия скорости времени в масштабе жизни в целом, то тенденция к ее росту достигает в старости своего максимума. Ситуативное настоящее после перехода к старости замедляется, но *скоростные параметры внутривозрастного прошлого* *возрастают*, доходя до исчезновения в нулевой длительности. Внутривозрастное прошлое старости может иметь бесконечную скорость. Нечто было, но не оставило в памяти никакого следа.

Ускорение хода времени в старости имеет форму *эрозии* или *исчезновения внутривозрастного прошлого*, поскольку различие между ситуативным и надситуативным временем в старости размывается или исчезает. Происходит это с *надситуативным прошлым внутри старости*, а не с отдаленным прошлым (не с памятью о зрелости, молодости и детстве). Точно так же и размывание границы между *ситуативным и внутривозрастным будущим* не мешает надситуативному времени в измерении будущего, приобретающему трансбиографическую форму²⁶.

Прошлое в старости исчезает (размывается) потому, что сменяющие друг друга цели имеются у небольшой части стариков. Обычно жизнь стариков (и это самый распространенный вариант старческого образа жизни) ограничивается кругом бытовых забот и привычных форм досуга: книги, прогулка, телевизор, любимые сайты, каналы, социальные сети... Нового, неиспробованного (как и сил, необходимых для совершения «проб») в их жизни или нет, или его очень мало. Мало у стариков и нового «ручной выделки» (нового как эффекта «достигнутой цели»). Да и не стремятся старики к новому. Они не видят в нем нужды перед лицом смерти. Количество значимых событий, подшиваемых к тому, что хранится в памяти, в старости резко уменьшается и сходит на нет.

Чувство медленного, протяженного прошлого формируется 1) за счет *значимых*, резко меняющих эмоциональный

течения времени как маркер субъективного благополучия в позднем возрасте URL: <https://www.clinmelehin.com/single-post/2017/08/23> (дата обращения: 15.11. 2017)).

²⁶ *Лишаев С. А.* К феноменологии старости // История. Семiotика. Культура. Самара : Самар. гуманит. акад., 2017. С. 206—216.

фон и остающихся в долговременной памяти событий. В памяти остаются новые впечатления, встречи и знакомства, *происходящие сами собой*. В детстве и молодости нового этого типа много, но в старости оно практически отсутствует. В сужившемся жизненном пространстве старика все знакомо, привычно, и новому в этом кругу появиться неоткуда. Да и сами старики к новому не расположены, предпочитая ему привычное. Они держатся за него, а оно держит их. Старики консервативны «по возрасту». Новое требует усилий, оно волнует душу и угрожает сломом сложившихся представлений о мире и о себе. А этими представлениями старый человек дорожит, поскольку сознает, что сформировать новый образ мира у него уже не хватит ни сил, ни времени. Новое он принимает-запоминает в случае, если оно связано с теми, кто давно вошел в его жизнь и стал неотъемлемой частью его мира: смерть родственников и друзей, рождение внуков и правнуков и т. д.

Наращиванию и замедлению прошлого способствует также 2) постановка и достижение целей. Достижение промежуточной цели завершает ситуацию и образуется новый слой прошлого. Ситуация отделяется от ситуации, один этап жизни — от другого. Двигаясь от цели к цели, от впечатления к впечатлению, от приключения к приключению, молодые и зрелые люди активно создают свое надситуативное прошлое. Доминирование в надситуативном времени ретроспективного измерения совпадает с потерей мягким когда-то прошлым своей эластичности (ретроспектива не углубляется, потому что отсутствует перспектива, будущее). Если у человека нет *среднесрочных целей*, то *прошлое не складывается* в расчлененную последовательность бывшего. Если цели незначительны (если это микро-цели бытовых забот), а прошлое пополняется за счет событий, происходящих с близкими, структура прошлого размывается и оно порастает травой забвения.

Схваченная динамическим стереотипом повседневность не производит изменений. «Один и тот же день» длится многие годы. Бытовые заботы продолжаются едва ли не до самой смерти. Каждый день люди варят кашу, завтракают, обедают, ужинают, читают, смотрят телевизор, гуляют возле дома, разговаривают с соседями... Дни растягиваются в года,

года слипаются в безразмерное «было». Жизнь, которая ни к чему не приводит, не оставляет следов. Персональное замирает (обмирает). Прошлое больше *не изготавливается*. При таком раскладе скорость надситуативного прошлого или не замеряется (нечего мерить), или (если в памяти все же что-то остается) оценивается как «сверх-быстрая», едва ли не бесконечная. Когда ретроспектива не углубляется, жизнь как проект завершилась.

Старики, не следующие этосу созерцательной (ветхой) старости, также ощущают ее завершенность. Чувствуя, что она вышла (выходит) за пределы надситуативного временения, они делают усилия по смысловому завершению того, что завершено на уровне дел. Завершающая (деятельная) старость обдумывает прошедшую жизнь, доделывает сделанное²⁷. Хотя способность к надситуативному временению сохраняется и старики любят заглядывать в свое прошлое, но это — не прошлое старости, это события детства, молодости и зрелости. Старику интересны периоды, в которые складывалась его жизнь; ему интересна логика и содержание прошедшей жизни. Мемуары пишут в старости, когда к бывшему ничего, кроме воспоминаний и рассказов о нем, прибавить уже нельзя.

К перечисленным причинам ускорения времени в старости следует добавить еще одну. Чувство «бесконечного» ускорения или остановки времени обусловлено также тем, что у стариков нет возрастного будущего. Ожидание смерти способствует или ускорению хода времени, или переводу внимания на Иное, которое человек, отходя от собственного «я», от надситуативного временения, впускает в себя (открывается Ему). Такова старость в горизонте ветхого²⁸.

Для деятельной старости и для других типов старческого этоса приближение конца убыстряет бег времени. Подобно тому, как время перед испытанием, которого человек страшится, но избежать не может, ускоряется, убыстряется оно и для стариков, которые ждут смерти и боятся ее. Разное переживание скорости времени в старости не в последнюю оче-

²⁷ *Лишаев С. А.* К типологии старческого этоса // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2017. № 2. С. 13–23.

²⁸ Там же.

редь определяется тем, в какой мере человек способен принять смерть, подготовиться к ней, освободиться от страха.

Ослабление деятельностного компонента жизни и прощание с заботой подталкивает к сопоставлению и, более того, к сближению возрастных расположенностей старости и детства (при сознании их радикального отличия друг от друга). В детстве прошлое *еще* не обрело эластичности, не перешло от ближайшего (ситуативного) прошлого и будущего к надситуативной перспективе и ретроспективе. В нем временение или не запущено, или работает ситуативно. Надситуативные прошлое и будущее еще не производятся и не имеют скоростных параметров. В старости, напротив, человек перестает производить (надситуативные) будущее, прошлое и настоящее, хотя и сохраняет способность к надситуативному временению. Жизнь по ту сторону надситуативного овременения жизни экзистенциально сближает стариков с детьми²⁹. И детям, и старикам открыт доступ к беззаботному присутствию. И те, и другие *могут* просто быть (быть *просто*) и являть своим бытием человеческое в человеке в его начале и в его финале.

Парадокс старости в том, что она, в определенном смысле, является *продолжением жизни после ее завершения*. Прошлое потеряло свою эластичность, перестало прирастать содержанием, а жизнь между тем — в астрономических днях и годах — продолжается, длится (единство «я», удерживающего тождественность в ситуативном и надситуативном временении, сохраняется). Надситуативное временение еще «на ходу», но... это *холостой ход*: жизнь не движется, новых записей в книге памяти не появляется. Скорость хода времени в старости с какого-то момента перестает фиксироваться

²⁹ В детстве *прошлое или не производится* (примерно до 3-х лет, до времени, к которому относятся первые воспоминания), *или производится эпизодически*: что-то из того, что было до 7-8 лет сохраняется в памяти, но его не много и оно не складывается в последовательность («целостную картину детства» взрослые пытаются воссоздать с опорой на островки воспоминаний и на рассказы близких). Отрочество мы помним лучше, но тоже фрагментарно. И это потому, что надситуативное прошлое в детстве не производилось «на постоянной основе».

стариками³⁰. Она или приближается к бесконечной скорости, или достигает ее и обнуляется. Бесконечная скорость — это остановка времени.

Ускорение или схлопывание внутривозрастного прошлого обусловлено дистрофией внутривозрастного и исчезновением возрастного будущего как «ресурса» «ручной» выработки прошлого. Остановка производства прошлого располагает стариков к выходу из надситуативного временения во вневременность ветхой старости, в беззаботность чистого присутствия с его простым (прямым, чистым) взглядом³¹.

Заключение. Анализ неравномерности переживания скорости времени в зависимости от возрастной расположенности Dasein (Присутствия) показал, что помимо факторов, оказывающих ситуативное воздействие на ее переживание, имеются и возрастные причины ускорения/замедления времени. На фиксацию и оценку скоростных параметров времени воздействует переход от ситуативного (игровое детство, отрочество) к надситуативному временению (возраста взрослости), а также смещение темпорального и экзистенциального центра при переходе от молодости к зрелости, от зрелости к старости.

Существенное отличие детства от взрослости по параметру скорости обусловлено тем, что в детские годы человек переживает только ситуативные ускорения и замедления времени, чередующиеся с выпадением из него (увлеченный иг-

³⁰ Интересно наблюдение Е. В. Лебедевой, что после 70-75 лет старики все чаще оценивают время не в числовом выражении, а по качественной шкале: «давно», «недавно», «длиннее», «короче» (Лебедева Е. В. Указ. соч.). Как видим, старость, сохраняющая ситуативное и сворачивающая надситуативное временение (что особенно заметно в поздней старости), явно сближается с детством. Ребенок тоже предпочитает количественным оценкам времени качественные, «сказочные» («давно», «давным-давно», «только что», «скоро» и т. д.).

³¹ Эта новая жизнь — жизнь в созерцаниях, размышлениях, молитве. Этот тип старческого этоса мы определяем как ветхую (созерцательную) старость. Она трансцендирует надситуативную заботу в координатах будущего-настоящего-прошлого и переходит к чистому (вневременному) присутствию. Ветхая старость — не жизнь забот и свершений, а просто жизнь, жизнь по ту сторону времени.

рой ребенок не замечает хода времени) и с его «остановкой» в скуке. За пределами ситуативных ускорения/замедления времени его скоростные характеристики не входят в круг детского сознания. Отсутствие надситуативного временения коррелирует с детской беззаботностью.

Небольшой жизненный опыт и открытость молодых новому (жизнь в горизонте надситуативного будущего) определяет — в сравнении с другими возрастами взрослости — самые протяженные прошлое и будущее, и быстрое настоящее. Однако эти характеристики относительны. В рамках возрастной формации молодости создается лишь ускорение времени, но не его степень. Только надситуативно-возрастная дистанцированность от молодости и изменение скоростных параметров времени в зрелости и старости доводит до ума то, как медленно «шло время» в молодости. Начиная с молодости, скорость времени оказывается в зависимости от большой (надситуативной) заботы, от того, в какой мере человек вовлечен в исполнение намеченного. Забота определяет жизнь молодых, но она еще не овладела их жизнью так, как она овладеет ей в зрелости. Это сказывается и на времени, которое в зрелости ускоряется.

Доминирование в зрелости возрастного настоящего и сужение будущего (господство перспективизма целей и обязательств) в сочетании с углублением ретроспективы и давлением накопленного опыта (памяти) ускоряет настоящее, прошлое и будущее. Скорость настоящего увеличивается в связи с максимальной занятостью зрелого человека, с наибольшей на протяжении жизни вовлеченностью в исполнение намеченного. Заполнение настоящего «неотложными делами» обеспечивается совокупностью наработанных в зрелости динамических стереотипов (привычек). Вместе с тем, каркас привычек сокращает приток новых впечатлений, нового опыта. В результате *ускорение настоящего не приводит к замедлению будущего и прошлого*. Прошлое для зрелых ускоряется, что хорошо ими осознается, поскольку они сравнивают новообразовавшееся прошлое с аналогичными периодами молодости.

Предощушаемая скорость будущего в его разбивке на сезоны и годы полностью зависит от восприятия новообра-

зовавшегося прошлого. Вслед за ускорением прошлого она также увеличивается. Так предполагаемая длительность соответствующего периода будущего в зрелости представляется меньшей, чем она казалась в молодости. Производство прошлого в зрелости в значительной мере обеспечивается за счет реализации срочных, среднесрочных и долгосрочных целей.

Старость определяется доминированием надситуативного (возрастного) прошлого и сжатием надситуативного будущего до неопределенного по величине внутривозрастного будущего. Скорость настоящего падает, оно становится более медленным, чем в зрелости и молодости, поскольку заботы стариков ограничены узким кругом бытовых забот. Уменьшение числа среднесрочных целей (или полное их исчезновение) останавливает или резко сокращает производство прошлого за счет изменений, вносимых в память достижением целей и исполнением обязательств. Жизнь старых людей в значительной мере или полностью определяется привычным образом жизни, их возрастным прошлым (знаниями и опытом, унаследованным от прошедших возрастов). Привычное затрудняет/перекрывает приток нового. Скорость внутривозрастных прошлого и будущего по сравнению с годами зрелости еще больше увеличивается. Подступившая к человеку в годы молодости забота отступает от него в старости, давая возможность не считать время, освободиться от заботы. Старики, избравшие этос созерцательной старости, теряют интерес к сопоставлению скоростных параметров в разных возрастах и покидают площадку надситуативного временения в пользу вневременности простого присутствия и чистого созерцания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни. Москва : Мысль, 1991. 576 с.
2. *Ананьев Б. Г.* Избранные психологические труды : в 2 т. Москва : Педагогика, 1980. 657 с.
3. *Балашова Е. Ю., Микеладзе Л. И.* Возрастные различия в восприятии и переживании времени // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 30. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 19.11. 2017).
4. *Бороздина Л. В., Спиридонова И. А.* Возрастные изменения временной транспективы субъекта. Сообщение I: Формальные параметры // Психологический журнал. 1998. № 2. С. 40–50.

5. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. Москва : Смысл, 2008.
6. Красиков В. И. Синдром существования. Томск, 2002. С. 94–126.
7. Лебедева Е. В. Особенности восприятия времени людьми пожилого и старческого возраста : дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург : Уральский гос. ун-т, 2004.
8. Лишаев С. А. Возраст и время // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2015. Том 16. Вып. 4. С. 46–55.
9. Лишаев С. А. О критериях возрастной периодизации (материалы к философии возраста) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Серия «Философия». 2015. № 4. Т. 2. С. 66–76.
10. Лишаев С. А. К типологии старческого этоса // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2017. № 2. С. 13–23.
11. Лишаев С. А. К феноменологии зрелости // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2017. Том 18. Вып. 3. С. 95–107.
12. Лишаев С. А. К феноменологии старости // История. Семиотика. Культура : сб. материалов Всерос. конф. с междунар. участием. Самара : Самар. гуманит. акад., 2017. С. 206–216.
13. Мелёхин А. И. Изменения в субъективной скорости течения времени как маркер субъективного благополучия в позднем возрасте URL: <https://www.clinmelehin.com/single-post/2017/08/23> (дата обращения: 15.11. 2017).
14. Пигров К. С., Секацкий А. К. Бытие и возраст. Монография в диалогах. Санкт-Петербург : Алетейя, 2017. 250 с.
15. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Санкт-Петербург, 1998. 654 с.
16. Фресс П. Восприятие и оценка времен // Экспериментальная психология / П. Фресс, Ж. Пиаже. Вып. 6. Москва : Прогресс, 1978. С. 88–135.
17. Цуканов Б. И. Время в психике человека. Москва, 1985. 296 с.
18. Friedman W. J., Janssen S. M. J. Aging and the speed of time. Acta Psychologica, 2010, 134(2), 130–141.
19. Lemlich R. Subjective acceleration of time with aging. Perceptual and Motor Skills, 1975, 41(1), 235–238.
20. Wittmann M., Lehnhoff S. Age effects in perception of time. Psychological Reports, 2005, 97(3), 921–935.